

К тайнам Русской Лапландии

Газета «Ковдорчанин» 21 май, 2020г.

Ковдор скоро отметит ещё одну годовщину со дня появления на карте страны. А значит, у нас есть повод вспомнить как о самом событии, так и о людях, для которых он стал малой Родиной. О тех, кто достиг успеха в разных областях науки, экономики, производства за пределами Кольского полуострова, но сохранил нежное воспоминание о детстве, проведенном в этих местах. Один из них – наш сегодняшний собеседник, археолог Марк Михайлович Шахнович.

Не мной сказано, но факт – все мы родом из детства. Что в Вашем случае повлияло на выбор профессии? Значимый учитель, как это часто бывало у советской ребятни?

- Я закончил в 1979-ом школу № 23 (ныне это школа № 3). Выбор профессии никак не связан с учителями истории. Они были хорошими специалистами, но я и без них «горел». С высоты жизненного опыта можно говорить о предопределенности: и я сам, и ряд моих коллег родились в День археолога, 15 августа (шучу, конечно). Еще с детского сада имел определенную склонность «к аналитической работе с землёй». Проще говоря, лазил по траншеям (в Ковдоре моего детства постоянно что-то прокладывали) и копался в песке. Думаю, что родителям очень важно разглядеть в своих детях-дошкольниках «божественную искру». Это уже хорошо видно в ребятах с возраста пяти-семи лет. Кто-то лечит игрушечных зайцев, кто-то играет в школу или магазин, разбирает машинки, я любил «копать».

Интерес к исторической науке – откуда он? И в какой момент Вас увлекли археологические исследования?

- Родители поощряли мой детский интерес к истории. Тонны исторических романов, постарше – научно-популярные книжки по тем или иным областям истории человечества. Библиотека Ковдорского ГОКа, где тогда работала моя мама (*многие ковдорчане хорошо знают Эмму Георгиевну Шахнович – прим. И.К.*), была добротной сформирована. Попадались даже научные издания: помню книги по геральдике или о российско-маньчжурских отношениях конца 17 века. Кроме того, верю и в предопределение. И через полвека не забылись какие-то картинки и информация, которую валом «проглатывал» в детском возрасте. Не нами всё выстраивается в единую цепочку.

Очень рад и думаю – закономерно, что вопросы, которые у меня возникли в 12-13 лет, во время чтения книг, смог задать их авторам. Например, суперзнаменитому в СССР путешественнику Туру Хейердалу. Или великому исследователю Новгорода Валентину Лаврентьевичу Янину. А у культового исследователя Кольского полуострова – археолога Нины Николаевны Гуриной - я был последним аспирантом.

Помните свою первую археологическую экспедицию? А какую из них считаете самой памятной?

- Как и все археологи, помню детально каждую экспедицию и раскоп за свои сорок прошедших «полей». Единственно, они сливаются в памяти в одно «лето». Иногда забываются из-за большого числа, названия и нумерация археологических стоянок, что я открывал. Самые памятные экспедиции – это те, после которых остаётся некоторое разочарование от потерянного времени. Обычно это случается тогда, когда работаешь под чужую тему.

Почему предметом интереса стало именно Средневековье?

- Поздним Средневековьем (14-17 век) стал заниматься целенаправленно сравнительно недавно – около 12 лет назад. Раньше активно изучал мезолит – самую раннюю эпоху каменного века на Севере после ухода ледника. Но и сейчас при необходимости веду это направление в зарубежных проектах.

Позднее Средневековье в Карелии и Мурманской области никто никогда не изучал. Проводившиеся работы носили случайный характер, когда встречались какие-то яркие находки (клады, например). Просто так сложилось. Археологов немного, и они занимались более древними эпохами. Ранее, до моей работы, позднее Средневековье было общим белым пятном в археологии Севера и набором устоявшихся штампов. Например, о новгородцах, заселивших полуостров с юга. Или о том, что до их прихода в этих краях была пустынная, дикая тундра. Бездоказательные аксиомы вызывали внутреннее противление и желание их проверить. Сейчас что-то уже проясняется, «намечается пунктиром». Что-то отпадает как ложное, что-то подтверждается. Например, совместными работами с антропологами Кунсткамеры в селе Варзуга мы доказали приоритет корельской экспансии в Лапландию в Средневековье. Там же раскапывали пока самую древнюю в Русской Лапландии корельскую крепостицу и сельский некрополь XV века. Удалось обследовать так называемые «волоки» на побережье Баренцева моря, и идеи о перетаскивании судов по перешейкам поставлены в ряде мест под сомнение. Найдено точное место уничтоженного финнами в 1589 году Печенгского монастыря. Под Умбой с помощью местных жителей зафиксировали новый лабиринт-«вавилон». В районе полуострова Рыбачий с питерскими геохимиками локализовали саамское

святилище. На Кильдине обнаружили «оригинальное» православное кладбище утонувших. Работали и под Ковдором.

Ковдорский район на археологической карте Мурманской области до недавнего времени оставался белым пятном. За 60 лет археологических изысканий в Русской Лапландии специалисты заглядывали в эту часть Кольского полуострова экскурсионно только два раза. Причин подобной «невнимательности» несколько: наличие строгой пограничной зоны, затруднявшей проведение поиска, направленность научных интересов в основном на изучение «жирных» памятников приморского побережья и «стойкое» убеждение о незначительной «ценности» для археологии континентальных районов Лапландии. Единственно, в 2000 г. в городской черте, в районе городского стадиона, мною найдены две небольшие, частично разрушенные стоянки каменного века. В осыпи берега собраны кварцевые скребки и отщепы.

Исследования были продолжены только в 2012 году на интересном объекте – группе каменных сложений около границы. Большая комплексная международная экспедиция археологов, геохимиков, физиков и антропологов по разным методикам со всех сторон «вертела» этот уникальный памятник, пытаюсь понять его назначение. Только недавно, по мере накопления опыта работы с подобными сооружениями в других местах Лапландии и Беломорья, была выдвинута удовлетворяющая всех версия о его предназначении, которая также требует дополнительных изысканий для своего подтверждения.

Ковдорский район, несмотря на кажущееся глухое географическое месторасположение, однозначно перспективен для поиска разноплановых и разновременных памятников археологии. Небольшие работы на трассе строящейся автодороги в прошлом году, во время которых найдено семь новых стоянок каменного века, это подтверждают. Перефразируя российского классика: «Археологии нет только там, где её не ищут». Понимание, где и что искать, у меня есть.

С Вашей точки зрения, какой была эта эпоха? Такой же мрачной, как её живописуют кинематографисты, романисты?

- Я не пишу романы и не снимаю кино. В этих жанрах, наоборот, всё подаётся очень приглаженно, чистенько и сусально. Наверное, потому что ни один работник пера или камеры не знает, что такое, когда заели клопы или вши. Археолог работает с предметами, останками и остатками. Только недавно, когда стал разбираться с православным погребальным обрядом или со старообрядческими объектами, за вещами стали проявляться какие-то человеческие отношения. В первую очередь это любовь матери и ребенка, супругов. А если существовал абсолют материнской любви после смерти, то эпоха не была мрачной. Она была другой, более жёсткой, бескомпромиссной и некомфортной. Но были жизненные ценности и идеалы, объединённые единством веры. Хотя русский человек смерть всегда воспринимал как некое избавление от мук жизни.

Как и когда Вас заинтересовали исследования церковной истории?

- «Церковной археологией», то есть историей церкви, изучаемой с помощью археологических методов, стал плотно заниматься с 2008 года. Моё желание поддержали и окормили, во всех смыслах, игумен Митрофан, ныне митрополит Мурманский и Мончегорский, и прежний владыка Симон. Рад, что, работая в древних монастырях, хоть немного этим могу помочь духовным нуждам православной общины Кольского Севера. А история Русской Церкви и Московского государства в позднем Средневековье – это единый процесс. В основном я провожу раскопки остатков средневековых церквей. В Мурманской области – в Борисоглебске, Кандалакше, Печенге, Варзуге, Териберке. Каждый раскоп не без сенсации.

Сейчас появилась масса теорий об альтернативной истории нашего Отечества. Как полагаете, они имеют право на существование?

- Я спокойно отношусь к «альтернативщикам». Мне просто всё равно, что они пишут. «Жечь глаголом сердца» и «бороться за неокрепшие умы» не входит в мои задачи, хотя некоторые коллеги болезненно воспринимают их утверждения. Существует научная данность. Это для нас основное.

Источник для публикации:

<https://kovdorchanin.ru/news/countrymen/406-k-taynam-russkoy-laplandii.html>